

Лала Умуд

Урок Любви

16+

Лала Умуд
Урок любви

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Умуд Л.

Урок любви / Л. Умуд — «ЛитРес: Самиздат», 2018

«Урок любви» – сборник рассказов современного автора Лалы Умуд. Притягательность рассказов автора заключается в их удивительной искренности. Это некий диалог, доверительная беседа читателя с автором, который уверен, что человеку для счастья не так уж много и надо. Разговор на самые насущные, обыденные темы: любви, подарков судьбы, одиночества и ностальгических воспоминаний. Авторское резюме неизменно: даже если судьба порой к вам жестока, не забывайте, что все в ней преходяще: черная полоса непременно закончится, а белая может наступить уже в следующее мгновение. Главное, не растерять себя и не переставать верить в чудо, которое хоть раз происходит в жизни каждого из нас.

© Умуд Л., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Цветок айвы	5
Худа без добра не бывает	13
Счастье там, где тебе хорошо	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Цветок айвы

Весеннее солнышко припекало. Старая айва, которая росла в маленьком дворике, вся покрылась нежными цветками. Цветки были белоснежными, но какой-то розовый удивительный оттенок проявлялся при малейшем дуновении ветра и облачко желтой пыльцы поднималось в воздух. Молодые, но редкие пушистые листики изумрудного цвета нежно шевелил тёплый ветерок. Тонкий аромат чувствовался повсюду. Он залетал в помещения ветхого домишки, вырывался за пределы дворика – на улицу, и прохожие, уловив этот запах весны, замедляли шаги и вдыхали полной грудью, улыбались и умиротворенные продолжали свой путь. Старая бабушка Захра присела отдохнуть под любимой айвой. Колченогий стул под ней зашатался, и она привычно подложила под ножку, сложенную в несколько раз газету.

Это было удивительное дерево. Его посадил отец Захры хала, Мамедхан, в тот день, когда она родилась. Отец был из очень бедной семьи, и имя ему дали такое звучное, чтобы ребёнку сопутствовала удача. Рано полюбив соседскую девчонку Марьям, он добился ее руки. Детей у них долго не было. Марьям была болезненной, и врачи говорили, что у неё слабое сердце и рожать ей будет тяжело. Но она родила девочку. И тогда-то на радостях муж и посадил это дерево. Оно росло вместе с ребенком, распускало ветки. Говорили, айва растёт около шестидесяти лет, но Захра хала давно разменяла восьмой десяток, а дерево как цвело и плодоносило, так и по сей день даёт плоды.

В год, когда началась война, почти все цветки облетели с айвы, а в год Победы стояла она цветущая, как невеста, одетая в свадебное платье кипенно белого цвета, будто понимала людское горе и радость, знала горечь потери и болезни. Чувствовало дерево всё! Захра хала привыкла про себя разговаривать с ровесницей-айвой. Она будто успокаивалась, видя дерево мощным, здоровым. И когда упала, и сломала

шейку бедра, все кругом охали, причитали, а Захра хала попросила, чтоб из больницы ее домой повезли. Как увидела дерево свое сильное, здоровое – только одна толстая ветка от ветра ураганного сломана – так и пошла на поправку. Уже через три месяца тихонько передвигалась по дому. Чудо, да и только. У айвы даже имя было – Агча. Так ее про себя с детства называла старушка. Почему? Не знает. Говорили, ребёнком она не могла выговаривать трудное слово агач-дерево и лепетала «агча». Так и обращалась она к дереву: «моя агча».

Со временем дерево выросло, крона закрывала почти весь двор. Ни у кого из соседей во дворе не росли деревья. Всё-таки центр города, не пригород. Только во дворе у отца цвело и давало плоды благодарное дерево. «Ат башы- Голова лошади» – это был сорт айвы. И впрямь, плоды напоминали лошадиную голову.

Дом бабушки Захры был одним из последних, которые подлежали сносу на их центральной улице. Здесь жили три поколения семьи. Бабушка родилась в этом доме, прожила до замужества, а потом, похоронив мужа и оставив квартиру сыну, вновь вернулась в отчий дом. Здесь ей было всё знакомо. Будто стены разговаривали с ней, напоминая о давно минувших днях...

Вот ещё совсем девчонкой она собирается в гости к подруге. Ей сшили платье из нежного крепдешина. Оборочки на рукавах Захра смазывала яичным белком, и они, как накрахмаленные, торчали в разные стороны. А сколько гостей собиралось в тесном дворике, когда отец справлял ее дни рождения! Обязательно резали барана... папа любил заниматься приготовлением вкусных праздничных мясных блюд! Вот и сейчас она словно видит отца в белой майке во дворе, где был маленький рукомойник. Там в тазу отец обычно мыл ягоды черешни – огромные, почти черные, и обязательно парные надевал ей на уши, как серёжки...

– Захра хала, я за хлебом иду, вам купить? – соседская девчушка Айтач каждое утро забегала на кухню – узнать, не нужно ли чего. Бабушка мягко улыбнулась и покачала головой. Айтач что-то весело напевая, убежала. Соседский кот, жирный, рыжий, гроза всех окрест-

ных котов, бесшумно спрыгнул с хасара- забора, отделявшего двор от соседского. Он подошел к старой женщине, потерся об ее ноги и с урчанием улегся рядом погреться на солнышке. Бабушка подкармливала постоянно этого жирного увальня, вечно голодного кота.

Майское солнышко греет, но не обжигает. Май – любимый месяц Захры хала. Много приятных воспоминаний с ним связано. В мае встречала мужа, пришедшего с той проклятой войны, унесшей столько невинных жизней, в мае родилась их дочь. Очень любила бабушка месяц цветения айвы.

Полуприкрыв глаза, вспоминает, как ее, шестнадцатилетнюю девчонку, пришли сватать. Она сидела в доме, не смея даже подойти к окну, чтобы, тихонько отдернув занавеску, поглядеть на сватов. Первый раз увидела своего будущего мужа, топтавшегося как раз у этого дерева. Он мял в руках кепку и не решался заговорить с ней, хотя они давно уже были обручены. Тогда Аскер пришёл сообщить, что они придут на праздник Новруз байрам, 21 марта.

По обычаю, обрученной девушке семья жениха приносит байрамлыг- поздравление – традиционные подносы с подарками – хончу с испеченными шакербурой, пахлавой, сладостями, благоухающими кардамоном и ванилью. Каждого вида по 51 штучке! Шутка ли?! Но так было принято. Кем принято, когда – неизвестно! Но традиции по сей день строго соблюдаются. Много было тогда подносов – хончалар – которые принесли юной Захре. Тут были и жареная пшеница – символ богатства и плодородия, и орехи, миндаль, фисташки...

Семья жениха старалась не ударить в грязь лицом. Семени (Пшеница, пророшенная к празднику Новруз в Азербайджане, празднуется 21 марта, в день весеннего равноденствия) на фарфоровой тарелке радовала глаз и была перевязана алой лентой. Будущая гайнана-свекровь Захры сама её проращивала.

А после того как семени высохло, Захра собственноручно выбросила засохшую пшеницу в проточную воду канала. А тарелку, чисто вымыв и наполнив ноголом (Конфеты с вкраплениями зерен тмина) отправила свекрови. Ныне уже покойная Биргя ханум тогда, говорят, очень обрадовалась, хотя и знала, что по обычаю тарелку все равно вернут. Но жадноватая по своей натуре, переживала: тарелка-то была тончайшего фарфора Кузнецовского завода. С голубой каемочкой и нежными розовыми букетиками по краям. Послать невесте семени на такой дорогой тарелке считалось особым шиком. Но и Захра была невестой завидной- в приданое принесла целых 12 кузнецовских тарелок и в придачу еще 3 расписные кясы (глубокая тарелка). А один самовар чего стоил! Захре он достался от прабабки. Тульский самовар завода братьев Баташевых – это была настоящая гордость Захры хала. Он датировался 1898 годом и был медным, не латунным. Имел множество медалей на помятых боках – целых 16!

Как приятно было после обильного застолья растопить на угольках самовар. Добавить чабрец в чай для запаха, для здоровья. А Аскер киши еще растапливал самовар шишками. И тогда смолистый аромат поднимался над улицей Первомайской и уходил вверх – до Советской. И соседи знали – можно заглянуть к ним на чай. К чаю у Захры всегда было припасено варенье из розовых лепестков. Это было ее коронное варенье. Каждый год ее балдыз-золовка, которая вышла замуж и уехала в Агдаш, посылала ей корзину ароматных лепестков чайной розы. И Захра начинала священнодействовать. Во двор выносился таган (подставка для казана), медный таз. И на открытом огне варилось изумительное по запаху и вкусу варенье. Ах, какой аромат витал в округе! Захра хала открыла глаза.

– Ах, что-то я задремала посреди дня, – сгорбленная старушка с трудом поднялась и, опираясь на трость, направилась в дом. Напольные часы, стоявшие в темной передней, пробили 12. Хлопнула калитка.

– Нене (бабушка), ай нене, ты где? Ненешка! – звонкий голосок молодой девушки заполнил, казалось, весь дом.

– А бала(детка), я здесь. Фидан, ты одна пришла? Фидан – старшая внучка Захры. Она почти каждый день навещала бабушку и на этот раз привела с собой дочку, правнучку Захры – Джамилю.

– Ай мяним шьяяр балам (Ах, моя сладкая малышка), – бабушка обняла трехлетнюю девочку.

– Здравствуй, нене. Э-э, нене, почему ты не переедешь к маме или ко мне? Дядя Бахрам тебя умоляет тоже. Что ты не оставляешь этот старый скворечник? Мама знаешь, как нервничает, что ты здесь одна остаёшься! Завтра опять собирается к тебе на неделю. Будет с тобой оставаться. А через месяц мы переезжаем на дачу, и Рауф сказал: нене тоже поедет с нами, это не обсуждается.

Весело щебеча, Фидан порхала по дому. Убрала бабушкину постель, вытряхнула покрывало, подогрела чайник. Вытащила принесенные покупки: мягкий хлеб – лаваш, свежий творог, сметану. Распаковала кастрюлю со сваренным дома с утра куриным бульоном, в отдельном судке – отварная гречка.

– Я тебе на сегодня, бабушка, всё принесла, фрукты у тебя есть. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, гурбан сене (Ласковое обращение, дословно «да стану я твоей жертвой»). Зачем мама придет с ночёвкой! Я же обхожусь без посторонней помощи. Что со мной будет?

– Нет, мама переживает, почему ты не переезжаешь. Этот дом скоро на голову рухнет.

– Этот дом еще сто лет простоит, – бабушка улыбаясь приколола внучке на кофточку булавку с висящей на ней маленькой палочкой. – Это айва чёпи (айвовая палочка), от сглаза.

– А-а, бабуля, уже время, цветы распустила твоя айва!

Фидан вспомнила, как бабушка всегда нарезала маленькие, чуть толще спички, айвовые прутики для оберега от сглаза, испуга. Вот и черед ее дочки пришел...

– Расцвела моя айва, куда же я ее брошу и уеду.

– Бабушка, айва тебе дороже нас? – звонко рассмеялась внучка.

– Вы меня навещаете.

– А ты ее будешь навещать.

– Привыкла я к своему дому. Аскер здесь... как будто вышел куда-то и вот-вот вернется. Спокойней мне здесь, внучка.

– Бабушка! – Фидан обняла ее за сухонькие плечи, и жалость накрыла ее с головой. – Давай мы с Джамкой останемся сегодня у тебя.

– Да не выдумывай, иди по делам своим. Мужа встречай с работы. Обед приготовь ему повкусней. За меня не беспокойся. И Мина завтра придёт.

Маленькая правнучка Джамия, весело смеясь, сидела у Захры на руках. Внучка накормила бабушку, помыла посуду, оставила чайник на плите, накрыв его стеганой войлочной накидкой, чтоб тёплым был. Забрала бельё в стирку и, крепко обняв бабушку, ушла.

Захра хала, накинув шерстяной платок на плечи, тихонько вышла во двор. Солнышко уже садилось за горизонт. Старая женщина уютно устроилась в старом плетеном кресле, прикрыв больные ноги платком. Она не могла отвести взгляд от цветущей айвы. Цветки будто вытканы из тумана. Или это в глазах у Захры хала слезы и мешают четко видеть? Она платочком промокнула глаза.

Опять нахлынули воспоминания...

Вот они с мужем ведут маленького сына Бахрама на кружок в Дом пионеров. Зима, идет снег, на обратном пути заходят к отцу и маме на чай. Отец разжигает самовар, на столе торт «Сказка» ... Бахрам съедает все мармеладки с торта. Аскер киши вместо того, чтобы отругать сына, счастливо хохочет...

Она живет то в действительности, то в мире грёз. Иногда грань стирается, и Захра хала долго сидит молча, не понимая, где она сейчас, в каком мире... Громко постучали в калитку.

– Есть кто?

– Кто там, входите.

– Это я, Мирзе.

– Не вар, не лазымдыр? (Что тебе надо?) – Захра хала принимает строгий вид.

Во двор входит сухонький проворный старичок.

– Ай, Захра, мой мыш-мыш опять к вам забрел?

– Йеке кишисен, мыш-мыш недир? (Взрослый мужчина, что еще за мыш-мыш?) – Захра недолюбливала соседа, который с незапамятных времен заглядывался на неё. Но был непутевым, отец даже близко не подпускал этих соседей к дому своему.

Мирзе, как тогда говорили, был авара (Без определенного рода занятий). Не учился, не работал. Так и прожил всю жизнь, не работая толком нигде. Зато пенсию получал. В незапамятные времена устроился на завод. Во второй же день угораздило его получить производственную травму. Вот за счёт этой травмы он и выхлопотал себе приличную пенсию. Жил вместе со своим рыжим наглым котом, которого звал Мыш-мыш.

Сосед был старше Захры, ему, наверное, уже стукнуло 80. А шустрым был, как и 20 лет назад. Перехоронил, можно сказать, весь квартал. Недавно в последний путь проводил аптекаря Гасана, который был на 10 лет моложе его. Ел, пил по режиму Гасан муаллим. Мяса жирного не употреблял, водки не пил, сигарет никогда не курил. Лёг как раз в тот ноябрьский вечер, когда Мирзе, напившись водки, орал до хрипоты, споря с таксистами, которые останавливали в неполюженном месте. Так вот, в этот вечер бедный Гасан муаллим и не проснулся, перенёс сердечный приступ во сне.

– Да, Захра, что, внучка приходила?

– Тебе какое дело, кяфтар (Старый хрыч).

– Язык у тебя, как змеиное жало, – усмехнулся сосед. – Я просто по-соседски зашел спросить, как твое здоровье.

– Нечего спрашивать, иди своей дорогой.

Мирза, недовольно кряхтя, легко нагнулся, взял своего рыжего кота на руки, и, не попросившись, хлопнул калиткой.

– Вот принесла нелегкая, – подумала Захра хала. Солнце совсем село.

– Эй, Захра, нас "сносят", уже приходили с ЖЭКа. Квартиру дают, на Ясамале (район в Баку). Новостройка. – Голова Мирзы торчала над забором, он тараторил без остановки. – А ты тут останешься дерево караулить? – от смеха и без того морщинистое лицо старика превратилось в сушеный инжир.

Ред ол! (Убирайся!) – Захра хала плюнула в его сторону.

На следующий день её разбудил вкусный запах яичницы с помидорами.

– Мина, дочка, – догадалась Захра хала.

– Мама, доброе утро. Ты заспалась.

– Гызым (Дочка), ты так рано – ни свет, ни заря.

– Ай, мама, уже 12 часов.

– Вай, как поздно! – старушка засуетилась и, наскоро одевшись, шаркая шлепанцами, поспешила в ванную комнату.

Мине, старшей дочке Захра хала, было под 60. Она работала учительницей музыки. Задумчиво переворачивая яичницу, она обдумывала, как сообщить матери, что ее дом, старый отчий дом, будут сносить. Только вчера вечером им позвонили и сообщили, что Захру хала надо забирать, потому как все бумаги, подтверждающие снос здания, уже подписаны. Не позднее чем через десять дней нужно съезжать. Всю ночь Мина не спала, с мужем Али они обсуждали создавшееся положение. Она и с братом Бахрамом говорила, он приезжал вечером. Но как поделикатнее сообщить матери, не знал и он.

– Это ее убьет, – думала Мина.

Они так любили свою маму: всю свою жизнь Захра хала посвятила семье. Всегда кроткая и спокойная, никогда не повышала голоса на детей. Даже когда ее любимчик Бахрам не успел спрятать сигаретку, и мать застала его на заднем дворе. Он учился тогда в десятом классе. Ничего не сказала Захра тогда сыну, только грустно посмотрела на него. И на всю жизнь этот взгляд матери отбил охоту к курению у Бахрама.

– О чём думаешь, гызым? – ласково обняла Захра хала дочь за плечи.

– Да, ничего, ай мама. Как спала?

– Как младенец. Дома меня стены мои укачивают, дочка.

– Мам, ты садись, покушай. – Мина никак не решалась начать разговор. – А сегодня Бахрам с моря приезжает, сказал – зайдёт. Где твоя кружка, я тебе чай налью.

– Там, под айвой, на столике.

– Ты на улице сидела?

– Да я ни дня не пропускаю, когда моя красавица цветет. Ее ведь мой отец посадил, когда я родилась.

– Ой, мама, разве столько лет айвовое дерево живет?

– Живёт, дочка. Моё живёт!

– Удивительно, – Мина налила матери чай и села напротив неё.

Пила Захра хала чай вприкуску с сахаром и любила в чае много заварки. Не пила, если чай был светлый, просила добавить «рянг-цвет». Потому и не любила, чтобы ей кто-нибудь наливал.

– А зачем, гызым, Бахрам только сегодня с работы приехал, с моря, 15 дней дома не был – и сразу ко мне? Пусть отдохнет, завтра придёт.

– Не знаю, мама, сказал, соскучился.

– Всё ты знаешь, Мина, но не хочешь без него говорить. Что случилось у вас, что произошло?

– Ой, мама, ничего, беспокойная ты стала и подозрительная.

Старушка ничего на это не сказала, только вздохнула. День прошёл как обычно. Захра хала сидела во дворе на солнышке, а дочка хлопотала по дому. Сварила долму из нежнейших айвовых листиков – пип-долмасы. Около четырех часов вышла во двор. Мать дремала в своем любимом плетеном кресле. Дочка заботливо укрыла ее пледом, но чуткая Захра хала открыла глаза.

– Что-то ноги стали ныть, не к дождю ли?

– Да нет, на небе ни облачка. Скоро наступит жара. Мама, переедем на дачу, уже пора, ты же любишь свежий воздух по утрам. Петухи кричат, собаки лают, а вечером дымок от костра... Мама, там дышится по-другому, а тут всё загазовано, кругом стройка.

– Твой отец...

– Мам, мой отец, кстати, нам нашу дачу строить помогал и всегда с удовольствием там оставался.

– Да, любил Аскер свежий воздух.

– Ну вот, видишь.

– Перееду, через месяц, может.

– Мама, ну какой месяц, ты же видишь, повсюду цемент, пыль. Ты живёшь посреди стройки. Город растёт. Много новых домов с центральным отоплением и со всеми удобствами. Старые дома сноят. Они мешают, портят облик города.

Захра хала только поджала губы и промолчала. Вечером у Захры хала было шумно и весело.

Приехал Бахрам с женой и сыновьями-студентами. Захра хала хлопотала, сновала вокруг стола, заботливо опекая дорогих гостей, как всегда было принято в их гостеприимном доме. К вечеру пришел и зять Захры хала, муж Мины – Али. Вместе они поужинали в доме, а чай пили

уже во дворе, под айвой. Правда, было немного прохладно, но все знали, как любила старушка – вот такие семейные посиделки у старого дерева.

– Мама, я хотел сказать тебе, что пора съезжать отсюда, – решил наконец Бахрам. – Нам звонили, нужно освобождать – дом будут сносить.

– А знаешь, Бахрам, здесь на Нижней Нагорной улице старый дом был, там жили очень бедные люди. Семья одна. Детей было шесть человек, еле концы с концами сводили. Лет 20 назад. Дети в школу ходили по одному. Обуви не было. И вот решили они съехать отсюда, а дом свой продали богатому одному художнику. Тот хотел музей там сделать. Заплатил он им мизер. Они купили в Масазыре (Пригород Баку) клочок земли и построили дом. А художник передумал музей делать и начал рушить старый их дом, чтобы построить себе новый. И вот, когда рушили стенку, где у них диван стоял, и дети вповалку спали, там обнаружили чугунок, полный золотых царских десятирублевков. Вот так. Нищая семья жила рядом с богатством и охраняла это богатство для прощельги какого-то.

Воцарилось молчание.

– Мам, а причём здесь наш дом, дед вряд ли что замуровал в стену. А? Или ты что-то знаешь? – захохотал Бахрам.

– Нет, – Захра хала покачала головой. – Не было у нас больших денег. У маминой стороны деньги были. Прадед был ахундом (Ученый-богослов, просветитель), в то время важным человеком был. А отец был честным бессребреником. Просто вспомнилась эта история, вот и рассказала, несправедливо жизнь обошлась с теми людьми. Обидно.

– Мам, мы вещи собирать будем?

– Какие у меня вещи, – старушка пожала плечами. – Несколько фотографий да пожитки. Мне не жалко уезжать, я же понимаю, кругом всё новое. Новые дома будут. Просто дерево жалко, ведь погибнет...

– У нас на даче три айвовых дерева, а сколько других плодовых! Там и качалку твою поставим. Полкан, знаешь, как любит, когда ты на качалке сидишь, а он рядом с тобой лежит, охраняет.

– Мама, буду тебя из Новханов (Поселок на берегу моря) на море возить, там рядом.

Старая женщина тихо улыбалась, слушая речи сына и дочери, обнимая внуков. Невестка поправляла шаль на ее худеньких плечах. Захра хала улыбалась, и только при взгляде на дерево ее глаза наполнялись грустью.

Ночью она плохо спала, ей снилась буря, шёл ливень... сильный ветер раскачивал ее домик, и ураган с треском выворачивал айвовое дерево, прямо с корнями. А вдалеке стоял ее муж, покойный Аскер киши и грозил ей пальцем. Утром рано, когда Мина еще спала, Захра хала встала у плиты готовить халву на помин мужа.

– Мама, что ты в такую рань встала?

– Сон плохой видела. Собирай уже вещи-то. Чего зря время терять, я не хочу чужих людей видеть. Попрощаюсь с домом без посторонних.

– Хорошо, мама, как скажешь.

Вдвоём они быстро управились. Собрали нехитрый скарб старушки. Мало-мальски ценные вещи Мина давно увезла, боялась, что залезут воры или проходимцы, хоть старушку и редко оставляли одну.

За несколько дней всё было собрано, упаковано и отправлено на дачу. Захра хала сама так захотела. Стоял июнь, лето началось...

И вот в один из ясных июльских дней Захра хала наконец вышла из своего дома. Перед тем как покинуть его навсегда, заглянула в садик, подошла к старой айве, обняла ее, прошептала какие-то слова и больше не произнесла ни слова и не обернувшись вышла за калитку. Села в машину Бахрама и тихо сидела до самой дачи. Сын весело болтал, стараясь развеселить старушку, обещал приезжать каждый день после работы, а отпуск у него целых 40 дней.

Первое время Захра хала даже не разговаривала с детьми, все время молчала. Дочка, сын, внуки буквально не отходили от нее, не оставляли ни на минуту одну старую женщину. Но потихоньку она оттаивала. Хотя, казалось, ничего не радовало ее теперь. Она подолгу сидела в саду, глядя на верного Полкана, ходившего за ней по пятам. Засыпала сидя в шезлонге. Но не уносила ее больше действительность туда – в прошлое, где был ее муж Аскер, всегда приносивший ей первые распустившиеся нарциссы, в те воспоминания, тёплые и берущие за душу, которые проносятся как единый миг, даря спокойствие и уверенность в том, что есть тот мир, где всё, как раньше, и те, кто покинул этот мир, живут и здравствуют там...

И стала Захра хала плохо себя чувствовать. Будто что-то тяжёлое давило на грудь и не давало вздохнуть. Лето пролетело быстро. Сын не раз возил мать на берег моря. Они сидели у моря, пили чай, слушали крики чаек, шум морского прибоя. Полкан бегал по берегу, лаял на волны, пытаясь укунить прибрежную волну. Каждую субботу приезжали внуки – Фидан с мужем, работающая в больнице невестка Лейла, и муж Мины. Дети окружали старую женщину такой заботой и любовью, что ей хотелось опять, как раньше, помогать, что-то делать по дому, нянчить малышей. Она всю жизнь была нужной, помогала дочери и сыну. Всегда добрая и отзывчивая: могла вечером прийти к дочке – знала, как ей тяжело было и учиться, и нянчить ребенка – и остаться у нее на месяц. Она удивительным образом успевала всё: и прибраться, и приготовить вкусный обед, и внуков укачать. Когда она была дома, становилось уютней, еда вкуснее и окружающие словно лучше.

Ее одинаково любили и невестка, и зять. Казалось, прожитые годы накладывают отпечаток на лице. Говорят, сама душа проявляется на лице старых людей. Так вот, лицо Захры хала было нежным, со стариковским румянцем, голубыми васильковыми глазами и сеточкой морщинок, которые делали его добрым и ласковым.

Настал октябрь. Деревья в саду оголились. Зарядили дожди. Детей очень беспокоило здоровье Захры хала. Вскоре она совсем слегла. Ноги не держали старую женщину, как-то утром она хотела встать, но повалилась на бок, хорошо, что зять был рядом, подхватил. На семейном совете было решено переехать в город к Мине, дочери. Так на одном боку Захра хала и лежала, не вставая и ни на что, не жалуясь. У детей сердце разрывалось, приглашенный доктор ничего не нашел, прописал мази для ног да успокоительное от нервов, для Мины. В один из осенних дней, вечером Мине позвонил брат и попросил приехать. Он был взволнован, по голосу Мина поняла, что ехать нужно безотлагательно.

– Знаешь, Мина, я сегодня проезжал мимо маминого дома, там перегородили всё, стройку развернули. Дом уже начали сносить, пока разнесли наполовину, а вот дерево мамино, айву выкорчевали, видно, бульдозером. И оно там на боку лежало, корнями кверху. Ты знаешь, мне так плохо стало: совсем как мама, набок завалилось. Оно... умирает... Мина молчала, она не ходила там, где стоял их дом, боялась увидеть пустое место, а больше всего – зияющую яму от дерева. Ведь недаром говорят, дерево связано с тем, в честь кого посажено, оно дает ему силу...

– Мина, может, найдем биолога или кого, как-то дерево заберём, может, еще приживется?

Лейла, жена брата, тихо стоявшая до этого в стороне, подала голос:

– У нас в больнице есть багбан(садовник) – там двор зелёный, много насаждений. Так вот, у нашего садовода руки, говорят, золотые: палку в землю втыкает – и она цветёт. Может, с ним поговорить?

– Это идея, – Бахрам был возбужден, видно было, как подействовала на него картина гибнущего дерева. На том и порешили. В следующие несколько дней они занимались этим вопросом. Бахрам отвёз больничного садовода к родительскому дому, тот, осмотрев дерево, начал отговаривать от этой затеи. Но дети настаивали. Мина всё время твердила, что эти дни шли дожди, и корни не сухие. Арендовали грузовик и вывезли дерево ближе к вечеру на дачу, там был ещё и приглашенный специалист по плодовым деревьям, двое рабочих. Общими уси-

лиями дерево посадили в землю, перемешанную с нужными удобрениями, обрезали сломанные ветки. И тут полил дождь. Настоящий ливень. Он заливал все вокруг, омывая ветки айвы.

– Это хороший знак, – радостно воскликнул сын Бахрама. – Значит, дерево точно приживется!

– Дай-то Бог, – со вздохом прошептала насквозь промокшая Мина.

Время шло, наступила зима. Дерево стояло черное, мертвое, нижние ветви совсем засохли. Какой сук не трогала Мина, он ломался, крошился в руках. Дерево высыхало. От некогда могучего кряжистого дерева остался только ствол да две боковые ветви, упрямо тянущиеся вверх.

Почти всю зиму Захра хала не вставала с постели. Тихая, она лежала ни о чём не прося, будто со смирением ожидая своего конца. Пролетел март.

Наступил апрель. Матери не становилось ни лучше, ни хуже. Бахрам уже пожалел, что затеял всю эту кутерьму с пересаживанием дерева. Оно как стояло, так и стоит, не подавая признаков жизни. А мать везти на дачу, чтобы она увидела мертвое дерево, ни к чему. Значит, надо опять нанимать рабочих, чтобы они выкопали его и увезли куда-нибудь подальше.

Как-то в конце апреля, когда Мина убирала зимние вещи – весна выдалась на удивление теплой – вдруг Захра хала попросила отвезти ее на дачу.

– Гызым, позвони Бахраму, хочу на воздух.

– Мама, скоро поедем, уже становится жарко.

– Нет, я бы хотела сегодня, я отца вашего видела во сне. Он меня звал на дачу, сказал: я в городе остаюсь, а ты, Захра, поезжай, так надо, видно, помирать там нужно, срок мой пришёл, доченька.

– Мама, что ты такое говоришь? – Мина со слезами обняла мать.

– Я всё думаю, дом-то, наверное, уже разрушили. И дерево моё погубили. Осенью и погубили, в тот день, когда я слегла. Я знаю...

– Мама, но ведь сейчас ты себя хорошо чувствуешь.

– Да, сейчас вроде хорошо, – бодро согласилась старушка. – Позвони Бахраму.

Для Бахрама желание матери было законом, и он – благо был не на работе – в тот же день повёз их на дачу. Всю дорогу про себя Бахрам не переставал чертыхаться, не зная, как объяснить матери, появление этого дерева на даче, ругая себя за то, что поддался сиюминутной слабости. Добравшись, Бахрам хотел было въехать с других ворот, расположенных позади дома, чтобы не сразу было видно прямо посреди дачи посаженного исполина, но Захра хала велела ехать к центральным воротам. Мина закусила губу, сидела, не проронив ни слова. Заехав во двор, Бахрам открыл дверь и, поддерживая мать, помог ей выбраться из машины. Казалось, старушку кто-то вёл. Заметив знакомый силуэт, она проворно засеменила к дереву, и вскоре до детей донесли её всхлипы. Захра хала стояла, обнимая ствол морщинистыми руками. По лицу ее, порозовевшему от свежего воздуха, текли слёзы. А счастливые глаза смотрели вверх, где на тонкой зеленой ветке распустился первый бело-розовый цветок айвы.

Худа без добра не бывает

Жизнь моя самая обычная. Ничего примечательного в ней не было. Росла в благополучной семье. Отец, мать и старшая сестра. В школе отучилась средне. Гуманитарные науки давались с лёгкостью, а вот технические – с трудом. Была общительной и замкнутой одновременно. Спросите, как это бывает? Бывает, когда выслушиваешь и сочувствуешь всем, с кем общаешься, и помогаешь всем, кто нуждается в этом, но свои эмоции держишь взаперти. Внешность у меня самая заурядная: не уродина, но и красавицей не назовешь. Но чем-то я все же отличалась от сверстников. Это я всегда чувствовала, но чем, долгое время не могла понять. И лишь позже, обернувшись назад, в детство, с высоты прожитых лет поняла – умом. С детства я обладала умом зрелого человека. Только проанализировав ситуацию, я выстраивала в своей голове логическую развязку проблемы. Достаточно было кому-то объяснить мне, как сделать работу, трудную для другого человека, я тут же справлялась с этим. У меня были задатки талантливого во всём человека, но они как бы не получили дальнейшего развития. Застыли в зачаточной форме, позволяя мне с легкостью начинать любое дело, создавать идеи, но продолжения они не получали – мне становилось скучно, и я уходила с головой в поиски нового неизведанного для себя.

По натуре я добрая и ранимая. Порой эта доброта не давала мне покоя. Я жалела всех. Особенно стариков, находящихся в состоянии безысходности и беспомощности, которые попадались на улице: мне было жалко их дрожащих рук, выцветших глаз. Жалость захлестывала меня с головой, я готова была помочь, отдать, поделиться – сделать что-то для них. Это чувство было настолько сильным, что некая подавленность долгое время не оставляла меня. Доходило до того, что, став старше, я старалась не встречаться взглядом с пожилыми людьми. Так же было с бездомными, пьяницами. И с уличными собачками. Мне было жаль всех: хотелось обогреть, накормить, уделить внимание каждому...

Будучи молодой девушкой, я часто старалась помочь: вызывала «скорую» алкоголику, покупала бабушкам лекарство в аптеке, спасала Тузиков и Мурзиков на помойках. Повзрослев, я не перестала сопереживать, но теперь это сопереживание не доставляет той радости, как в детстве, когда, купив очередной пенсионерке лекарство от давления, я ощущала важность происходящего и была преисполнена чувством выполненного долга.

Сейчас юношеский максимализм улетучился, уступив место, скорее всего, присущему взрослым людям прагматизму. Нет, я не преследую материальной выгоды во всём и вся. Хотя без денег худо, я просто стала абстрагироваться от проблем, понимая, что решить их все мне не под силу, а нервы трепать я не хочу. Делая людям добро, нельзя забывать о себе! Только спокойный, умиротворенный человек может достойно заботиться о ближнем. Поздно, но я поняла это. Поняла после двух неудачных браков. Оба моих мужа были полными противоположностями друг другу, и соответственно, мне. Но общая черта у них всё же была – это патологическая скупость. Невероятная, всепоглощающая. Как я, совершеннейший бесребреник и добряк, смогла выйти замуж, дважды наступив на одни и те же грабли, не знаю! Мои мужья были настолько ничтожными, что я не хочу даже упоминать о них, лишь постольку, поскольку требует моё повествование.

С первым мужем я познакомилась во время поездки в Стамбул. Он был старше меня на 10 лет. Жил там, работал инженером в крупной фирме. В Стамбуле я была по приглашению друга семьи. Жила в гостинице, не люблю стеснять людей. Гостиница располагалась в центре. Хотя Стамбул настолько огромный мегаполис, что определить, где его центр, а где окраина очень трудно. Таксим – знаменитое место. Отель «Диван» расположен прямо на этой знаменитой площади. Это был конец девяностых, когда еще не было волнений в Турции. Всё было тихо.

Каждый город мира, где я побывала, для меня ассоциируется с чем-то своим, специфичным. Стамбул – с ноябрьским ветром и апельсинами: яркими оранжевыми апельсинами, с их запахом и огненным цветом. А ещё с обжигающей похлебкой ичкембе. Это такой наваристый суп, сродни нашему хашу (Суп из говяжьих ног, имеет древнюю традицию употребления с определенными специями), но молочного цвета, с нарезанными тонкими полосками баранины. Не все любят ичкембе, мой любимый супчик. Он готовится из желудка жвачных животных. И обязательные компоненты супа: уксус, лимон, чеснок. Это блюдо либо не переносят, либо влюбляются с первой пробы. Я называю его лекарством от хмурого зимнего утра. Он поднимает настроение, дает заряд бодрости и позитива.

Знаменитый Lale iskembesi. Там же, неподалеку от Таксим. Этот ресторан ведёт свою историю с 1960 года. Как сейчас помню, фото, развешанные по стенам этого солидного заведения, датированы именно этим годом. Там же самый вкусный зерде в Стамбуле. Это десерт из риса, шафрана, розовой воды, сахара и черной смородины с изумительным ароматом и вкусом. Я обратила внимание, что турки очень любят суп чорба. Они едят его утром, днем и даже поздней ночью. С красной чечевицей, горохом, вермишелью... говорят, рецептов турецких супов существует около 900!

Люблю Стамбул поздней осенью. Он неповторим, какая-то дымка прозрачная и осязаемая стоит в воздухе. Дождь моет мостовые, скидывает осенние разноцветные желто-красно-бурые листья с деревьев и волшебным ковром покрывает землю. Продавцы мандаринов, апельсинов, закутавшись и нахохлившись, стоят под зонтами. Пахнет прелой землей и, конечно же, морем. Ведь Стамбул – город, омываемый двумя морями, и соленый, свежий запах моря присутствует здесь постоянно. Наверное, это моё восхищение сыграло немаловажную роль в моём первом замужестве. Ведь будущий муж жил в Стамбуле, я приняла его предложение, которое он сделал на пятый день нашего знакомства, и в один из холодных январских дней переехала в Стамбул. Было много волнующего, памятного, запомнившегося мне. Со временем воспоминания тускнеют, остаются лишь отрывки памятных событий. Белоснежное свадебное платье и букет из белых лилий. Их запах до сих пор помню: тонкий, сладкий, пьянящий... Свадебная машина, разукрашенная лентами цветов моей родной страны: синий, красный, зелёный. Помню в ЗАГСе нигах (Церемония в ЗАГСе), когда родственники и друзья по турецкому обычаю, поздравляя, цепляли на моё платье золотые монеты и долларовые купюры.

К концу церемонии я была похожа на новогоднюю елку с гирляндами из денег. Врезалась в память набережная Босфора с Девичьей башней «Гыз кюллеси» посреди моря.

Это знаменитая Леандро́ва башня. Она даже запечатлена на картине известного мариниста. Мне так нравилась эта набережная с видом на миниатюрную башню, что я помню ее легенду.

По легенде древняя башня получила свое название в честь юноши Леандра, он на свою беду полюбил Геро, жрицу Афродиты, ради него нарушившую обет безбрачия. И вот для того, чтобы встречаться с возлюбленной, юноша каждую ночь переплывал пролив. Он плыл туда, где горел огонь факела, который зажигала Геро. Но в одну из темных ночей огонь внезапно погас, и Леандр, не найдя в темноте дорогу к острову, утонул. А утром безжалостные волны вынесли к ногам не дождавшейся девушки тело любимого. Геро поднялась на башню и бросилась в море! Красивая легенда. Все старинные башни имеют свои любовные истории. В моём родном городе тоже есть Девичья башня. И она тоже когда-то омывалась водами Каспия. Она больше и величественнее и также хранит предание о несчастной любви.

Дни мои в Стамбуле текли размеренно и монотонно. Занималась домашним хозяйством, ожидала мужа с работы и от нечего делать смотрела нудные и слезливые турецкие сериалы. Но со временем мне стало понятно, что мы с мужем слишком разные люди. Наши мнения все больше разнились, интересы не совпадали. Когда мне хотелось гулять, ходить на выставки, познавать чужую культуру, ему важнее было встречаться с друзьями. Он и меня брал с собой,

но мне там было не интересно. Собеседники казались недалекими и глупыми: футболом не увлекались, книг не читали, фильмов не смотрели, даже пиво не пили. Их объединял интерес к музыке. Немного специфично для меня. Хотя к музыке отношусь с теплотой и особенно уважаю народные мотивы. Но тогда это было для меня странно. Нестарые вроде мужчины собираются на квартире, чтобы играть на народных инструментах и спорить до хрипоты над каждой взятой нотой, не имея при этом элементарного музыкального образования. Я же приехала из страны, в которой знали и ценили красивую жизнь, в которой было место и для музыки, и для гостей, и для развлечений. Поэтому была потрясена, когда в первый раз попала в тесную гостиную, где человек пять-шесть мужчин играли кто во что горазд, чаще, не попадая в такт, а мой муж к тому же еще и заунывно запевал. Это происходило каждые выходные. Причём принимающая сторона угощала доморожденных музыкантов только парой чашек кофе и ломтиками бисквита. Хотя им было не важно, их вообще не интересовало ничего кроме музыки. Работавшие до изнеможения всю неделю, они таким образом расслаблялись.

И мне, мечтавшей увидеть все «Подсолнухи» Ван Гога разом и побывать в Мачу-Пикчу (Древний город в Перу) было, конечно, их не понять. Всё чаще я пыталась вызвать мужа на разговор, но он искренне не понимал, чего я хочу. Ему также было сложно понять меня. Он жил в своем мире, и этот мир для посторонних был закрыт. Когда я попыталась подсунуть ему нашумевший роман нобелевского лауреата, он сделал такое изумленное лицо, что я отступила. И поняла – мы из разных социальных слоев. Осознав это, я стала готовиться к отступлению. Прожив с ним ровно 6 месяцев, я начала собираться домой. Муж мой мою капитуляцию воспринял спокойно, видимо, его тоже я в чем-то не устраивала. Может, он думал жену тоже подключить к ансамблю? И играла б я на каком-нибудь инструменте, хотя и не музыкальна. Ну, на худой конец, была бы в бубен.

И вот мы мирно распрощались, и я отбыла к себе на родину. Я не жалела, чувств никаких не осталось, общих интересов тоже. Скупость его порой зашкаливала так, что мне приходилось делать резкие замечания, хотя не в моих правилах кого-то учить, как тратить заработанные деньги. Родители довольно спокойно отреагировали на мое возвращение. Я не стала вдаваться в подробности, просто сказала маме, что решили временно пожить отдельно. Со старой своей работы я уволилась и начала искать новую. Сейчас, став старше и мудрее, я понимаю: дело было не в музыке, тем более что музыку я люблю и понимаю, и уважаю людей увлеченных, имеющих хобби, приветствую тех, кто умеет без вреда для здоровья расслабляться в наше беспокойное время. Я поняла, почему я рассталась с ним, в чём была причина. В безразличии. Ему было безразлична я, он по натуре был неэмоциональным, слабохарактерным человеком. Прожил до 40 лет один-одинешенек и тут решил жениться. Выбрал меня и понял, что некомфортно ему быть женатым. И мне было никак. Тогда в первый раз я осознала, что человек по сути своей одинок и всю жизнь пытается как-то компенсировать это. Перевернув страницу неудачного замужества, я стала жить дальше. Устроилась на работу, готовила отчётные материалы, ездила в командировки. Наконец увидела «Подсолнухи» Ван Гога – 15 цветов на желто-зеленом фоне – в мюнхенской картинной галерее. Чем пленила меня эта картина, непонятно. Взъерошенные жёлто-рыжие клубки цветов...

Мне нравилось творчество Ван Гога. Этот несчастный, талантливый до безумия художник написал 11 картин этих солнечных цветов. Не все картины дожили до наших дней. Ту, которую видела я, он посвятил своему другу Гогену. И была она написана во время счастливого отдыха во Франции. Картина как живая: дышит счастьем и пропитана солнцем. Отчего предметы так хорошо умеют передавать эмоции и чувства? Как будто безмолвный разговор ведут, рассказывая о себе. И почему люди не способны быть такими же проводниками положительных впечатлений, эмоций? Есть, конечно, позитивные личности, но их так мало...

Со вторым мужем я познакомилась случайно, на работе, за деловым ужином. Он был моим ровесником, и у нас оказалось много общих друзей. Нам было интересно вдвоём. Росли

мы в одном городе, говорили на одном языке, любили одни фильмы и литературу. Казалось, вот идеальное сочетание, взаимодополняющая друг друга пара. Как я люблю говорить, оба самодостаточные, имеют взаимную симпатию. По законам физики, химии и всей Вселенной счастливы должны быть, по всем теориям вероятности. Должны, но не стали. Нет, вначале всё было хорошо. Мы поженились, скромно отгуляли свадьбу, были приглашены только самые близкие люди. Даже в путешествие поехали в Прагу. Мне было спокойно с ним. Проблемы начались через месяц совместной жизни. Он начал поздно приходить, после работы обязательно заезжал к матери. Отца у него не было, были только мать и незамужняя сестра. И домой он возвращался от родных словно зомбированный: всё ему не нравилось, придирался по пустякам. По разговорам со свекровью я понимала, откуда ветер дует. У его матери был сложный, можно сказать, тяжёлый характер. Она страдала мигренью, и приступы у неё длились по три-четыре дня. Так, пользуясь болезнью, она приучила своих детей ходить на цыпочках перед ней и беспрекословно во всём подчиняться. Увидев, что сын зажил своей самостоятельной семейной жизнью, она спохватилась и начала наносить мне удар за ударом. То кто-то увидел меня с каким-то незнакомым мужчиной, то хозяйством я не занимаюсь сама, а имею помощницу по хозяйству. И всё это происходило методично и каждодневно. Муж, совсем затравленный ходил. Не до смеха и развлечений нам было. После того как свекровь с перекошенным лицом вернула мой подарок – упаковку дорогих французских духов, заявив, что она была вскрыта, я переждала сутки, а затем собрала вещи и, оставив подаренные им обручальное кольцо и аметистовые серьги в коридоре у зеркала, уехала к себе домой. Второе замужество продлилось 4 месяца.

– Прогрессирую, – мрачно отметила я про себя. – Что же такое происходит, может, проблема во мне? Точно, это моя вина: я не могу быть терпеливой и уступчивой, не могу глотать обиды и не допускаю, чтобы меня пинали и вытирали об меня ноги.

Если с первым мужем я не смогла быть счастливой из-за разницы в интересах, то почему с этим так получилось? Со вторым-то я была, так сказать, на одной волне. Но особой горечи по этому поводу не было. Я себя чувствовала так, как будто поучаствовала в каком-то крупном розыгрыше. Время быстро летело, экспериментировать с замужеством я больше не хотела, твердо решив, что это не для меня. Единственно, хотелось детей. В детстве я мечтала, что у меня будет много детей: пять мальчиков и пять девочек. Но моя костлявая свекровь-мегера настолько отбила у меня охоту на брак, что я абстрагировалась от мужчин совершенно. И дальше приглашения поужинать дела у меня в личном плане не заходили. Позже, как это часто бывает, я всё же больше винила себя в неудачах с семейной жизнью. Ведь по прошествии времени плохое имеет свойство улетучиваться – всё уже кажется не таким, как себе представляешь. Надо было мириться с недостатками других, тогда бы и семья была, и дети. Но всё сложилось как сложилось. Частые командировки приносили свежесть и счастье в мою монотонную жизнь. Я подолгу гуляла по незнакомому городу, любовалась архитектурой, смотрела на жилые дома. Особенно мне нравилось, когда в сумерках в окнах зажигался свет. Я представляла, что за каждым окном своя жизнь, своя история.

Каждый город по-своему красив и имеет только ему присущие черты. Москва – роскошна, она выплескивает на тебя свою богатую историю, порой суровую, а иногда трогательную и милую как тургеневская девушка.

Рим – это старый ловелас, он настолько известен и знаменит, что каждый его камень на мостовой напоминает о бренности бытия.

Париж – суетлив, торопится жить, любить и быть любимым толпами туристов, которые, кажется, не спят ни днём, ни ночью. И так можно говорить бесконечно, отождествляя города с людьми, наделяя их разными характерами и чертами.

Мои родители, которых я очень люблю, давно переехали за город. Я имела неплохой доход и смогла обеспечить им достойную жизнь. Сестра моя вышла замуж и уехала в Санкт-Петербург. Я часто навещала ее семью. Мне нравился Питер с его величественной архитекту-

рой и монолитными домами. Временами на меня находила хандра: я ненавидела себя, всё меня раздражало и хотелось, не шевелясь, сидеть на диване или в кресле, или, на худой конец, на стуле и ничегошеньки не делать. К счастью, это состояние сменялось кипучей деятельностью, и тогда я шмелем носилась по рабочим делам и частенько навещала родителей. Не знаю, может это считается каким-то отклонением в психиатрии? Но, скорее всего, это синдром одинокой женщины. Родители мои жили на даче за городом, езды минут

40. Затарившись всем необходимым, я ездила к ним по выходным. Удивительно, но, выезжая из загазованного города, по пути на дачу я явно ощущала переход с городского воздуха на свежий, перемешанный с морем, пьянящий чистейшим кислородом. Дом стоял недалеко от моря. Всё же жизнь на природе, в домике на земле – в собственном, пускай и небольшом – имеет непередаваемую прелесть. И каждое время года здесь со своим очарованием.

Казалось бы, осенью, поздней, в ноябре ничего уже в засыпающей природе не найдёшь примечательного. Кусты, деревья оголены. Ветки чёрные от пропитавшего их дождя. Свинцовое небо. Тучи прямо над головой... а в саду на голой кряжистой хурме по всему дереву – огромные шары ярко-оранжевых плодов. И так славно от этой картины становится на душе! Враз осенний серо-буро-малиновый день обретает оттенок оранжевой хурмы, и радость переполняет сердце. С удовольствием на тёплой кухне завариваешь ароматный чай, и долго ещё перед глазами стоят оранжевые плоды – как символ надежды и счастья. Вот так я и жила с этой надеждой на лучшее – на встречу с тем единственным, надежным человеком, который будет со мной на одной волне. Это выражение, кстати, я начала употреблять совсем недавно, и мне оно нравится.

Время шло, дни бежали за днями. Сезоны быстро сменяли друг друга. Всегда вспоминаю слова старой приятельницы моей мамы. Она рассказывала, что лет 40 назад, во времена ее молодости, к приходу лета готовились уже в мае: завешивали люстры марлей от мух, надевали крахмальные белые чехлы на плюшевые диваны и кресла. Квартира у них, известных бакинских хирургов, была огромная, с дубовым паркетом, с вереницей комнат – они жили в Ичеришехер. Таким образом подготовив квартиру к лету, уезжали на дачу. Летний сезон длился неимоверно долго, как целая жизнь: с традиционными гонаглыгами (Местная традиция накрывать праздничный стол по конкретному случаю), с шашлыками, с утренним хашем, с бесконечным августом с его инжиром, виноградом. С обязательной варкой инжирового варенья, когда изумительных запах, сопровождавшийся жужжанием пчел, разливался над апшеронскими дачами. Так вот, лето наших мам и пап, бабушек и дедушек длилось вечность. А теперь лето, осень, зима и весна мелькают зараз! Не успеваешь надеть шлепанцы на пляж – и ты уже готовишь сапоги для осени. Ученые настаивают на версии о смещении какой-то оси, которая за последние 20 лет вследствие природных катаклизмов вконец распоясалась – они предупреждают нам повсеместное похолодание.

Но при этом всё же лето в Баку приходит с той же регулярностью, оно просто врывается солнцем, на базарах и в магазинах россыпи ягод: горы почти чёрной глянцевой черешни (с детский кулачок, сорт «бычье сердце»), алой вишни, ароматной клубники, нежных веточек красной смородины. А первым вестником приближающегося лета является, конечно же, алыча. Зеленая, сочная, самая вкусная сорта «гёйча». Быстрее бы добежать до дома, наскоро ополоснуть под проточной водой и – начинаешь хрустеть ею, предварительно обмакнув в соль. Наслаждение родом из детства! Такое изобилие фруктов, как у нас в Азербайджане, я нигде не видела. И вкус у фруктов настоящий.

И в тот год лето бушевало за окном. Это было то время, когда еще весенняя прохлада по вечерам радует горожан. А оставшаяся влага на улицах, которые поливают водой и потому они не пышат жаром, привносит запах дождя в городские летние сумерки. В один из таких дней меня пригласили на открытие нового ресторана. Муж моей подруги Сонечки помогал в разработке концепции ресторана и был приглашен на открытие с супругой. Ну а они в свою очередь

пригласили меня. Ресторан располагался за городом, на берегу моря. Кругом пенные барашки волн, низко летающие чайки, методично оглашающие окрестности криками, и повсюду распространялся аромат пекущейся на углях рыбы. Муж Сони усадил нас за столик, а сам уехал по делам. Мне очень понравилась атмосфера, царящая кругом. Нарядные скатерти, живые цветы в вазах, шум приboя. За соседним столиком сидела шумная компания мужчин, среди них были, видимо, и приезжие. Они громко разговаривали, смеялись. И это мне тоже нравилось – такая атмосфера праздника.

Официант подливал мне белого вина, оно пилось легко, как лимонад, но, видимо, было крепким, потому что слегка кружилась голова. Было весело и непринуждённо, играла негромкая музыка, гостям подавали испеченную на углях осетрину с изумительным гранатовым соусом «наршараб».

За соседним столом я увидела своих бывших сослуживцев, мы тепло пообщались, и это тоже привнесло положительные нотки в моё отличное настроение. Моя подруга оставила дома маленького ребенка, и няня без конца звонила ей. Дочка капризничала, и Соня решила уехать пораньше, а я осталась, ведь мне было хорошо. Тем более, должна была начаться программа с приглашенными певцами. Единственное, меня немного беспокоил пристальный взгляд мужчины с соседнего столика. Я всё время ловила его, даже решила пересечь, чтобы не видеть, но всё равно затылком чувствовала чужие глаза на себе. Хоть ресторан был и новым, видно, не всё успели к открытию. Так, на небольшой террасе, нависающей прямо над водой, куда вели ступеньки, почему-то стояло ограждение и знак «стоп». Я решила все же спуститься туда, чтобы полюбоваться на море. Наверху играла музыка, и извилистая лестница привела к той самой обзорной площадке-терраске. Я стояла на этом пятачке, полной грудью вдыхала морской воздух и бросала крошки от прихваченной со стола булки чайкам. Они с криками носились взад и вперед, выхватывая угощение из воды.

Я облокотилась о перила, но они, видимо, были зацементированы совсем недавно, и об этом-то и предупреждал знак. Я поняла это слишком поздно – край ограждения отломился и полетел в воду вместе со мной. Когда слышишь, как с кем-то происходит нечто такое, чего не должно было по идее произойти, всегда думаешь, что с тобой такого случиться не может.

Продолжая по инерции рассуждать примерно так, я с громким плеском падаю в воду. Я вижу, как кусок породы или цемента тонет в море. Но самое ужасное, что место, куда я упала, довольно глубокое, и я чувствую, что ухожу с головой под воду. Ужас охватил меня целиком, сковал руки, ноги. Пытаясь выбраться из этой пучины, я отчаянно цеплялась за острые камни выступа, но только сильно расцарапалась: кровь моментально выступила на ладонях, смешиваясь с солёной водой. Мой сарафан раздулся как колокол и мешал мне двигаться. И тут я осознала окончательно, что без посторонней помощи мне из этого омуты не выбраться. Было уже довольно темно, повсюду обрывистый берег, что осложняло мои попытки. Выпитое вино моментально выветрилось из головы, отчаяние и безысходность обуяли меня. Ко всему добавились жалость, ужас... и смех (я даже успела взглянуть на себя со стороны), а кричать не было сил. Да и кто услышит?

– Зачем, зачем полезла сюда, дура, бестолочь?! – ругала я себя.

– Девушка, девушка, вы где? – я услышала мужской голос.

– Я здесь, здесь... – еле выдавила из себя. На пятачке, где я недавно стояла, появился мужчина, тот самый, который смотрел на меня с соседнего столика.

– Как же вас угораздило? – он огляделся по сторонам, по-видимому, обдумывая, как мне помочь, потом лег на террасу и протянул руку. – Дайте мне руку и ногой отталкивайтесь от обрыва – я вас подтяну.

Собравшись с силами, я уцепилась за его руку и с трудом выползла на берег. Спаситель мой обладал вроде ростом невысоким, но сила в нем была сокрыта невероятная, поскольку

вытащил он меня самостоятельно. Я практически висела на его руке, как валенок, разбухший в проруби.

– Спасибо вам большое, – проямлила я. – Сама бы я точно не выбралась.

– Да не за что. Как же это получилось?

– Откололся кусок террасы. Я чаек кормила... и съехала в воду.

– Да, бывает... благо вода тёплая. Жарко у вас в Баку, хорошо. Рассказов.

– Что рассказывать? – не поняла я.

Что еще можно рассказать человеку, так нелепо искупавшемуся в море, вместо того, чтобы сидеть в хорошем ресторане, слушать живую музыку и попивать приятное вино.

– Фамилия моя Рассказов. А зовут Вениамин. Веня.

– Ляля, – представилась я. Даже смотреть мне на него было неудобно. Ведь явно пошел за мной. А я тут бултыхаюсь в воде. Вот где позорище-то. А ведь я ещё села к нему спиной, чтобы не видеть, как он глазеет на меня. Я пыталась расправить мокрое платье, но, не давая мне такого шанса, оно плотно облепило мою крепкую фигуру. Вениамин смотрел на меня с нескрываемым интересом. Как же сумку забрать, вдруг вспомнила я? Она на столике, в ресторане осталась.

– Вы знаете, я такси вызвал, давайте я вас отвезу куда надо. А то становится прохладно, вы в мокром, так и заболеть недолго!

– У меня сумка осталась на столике, – сообщила я.

– Я заберу, идёте.

Как я вышла из ресторана и села в такси в мокром платье, не помню. Или, скорее, просто не хочу вспоминать. Ехали молча. А о чем говорить-то? О том, что я была преисполнена благодарности к человеку, который помог мне в такую нелепую минуту? Мы подъехали к моему дому. Вышли из машины. Мне очень хотелось отблагодарить его, что-то сделать для него.

– Спасибо вам еще раз большое! – протянула я ему руку.

– Да не за что, что вы, – засмутился мой герой.

– Я просто помог, любой на моём месте поступил бы также...

– Может, вы зайдёте... чаю попьём...

– Да, пожалуй, я зайду, – он сразу согласился. – Спасибо.

Он быстро расплатился с таксистом, и мы поднялись в квартиру.

Он расположился в гостиной. А я, быстро переодевшись, поставила на плиту чайник и накрыла стол на кухне. Что-то подсказывало мне, что гость мой – приезжий. И я решила удивить его вареньем из корочек арбуза – прозрачных, ароматных и очень вкусных.

– Рассказов, идите на кухню пить чай.

Он робко присел на кухонный стул. Я разлила чай по тонким фарфоровым чашкам. Я люблю старые советские сервизы. В них чай имеет неповторимый вкус. Он взял пузатую чашку с нарисованной нежной сиренью и зелеными веточками.

– У моей бабушки были такие же чашки, – с теплотой в голосе произнес мой гость.

– Я очень люблю старый советский фарфор. А вот арбузное варенье. Попробуйте!

– Спасибо, я пробовал такое в Средней Азии, в Ташкенте, там, кажется, было из дынных корочек.

– Так по-дурацки получилось, – я подлила ему чай.

– Да всё нормально, – он мягко улыбнулся. – Мне у вас очень нравится. Я люблю Азербайджан.

– А вы приезжий?

– Не совсем. Да, я из Санкт-Петербурга.

– Ой, а у меня сестра там живет!

– Я родился в Баку. Мой отец служил здесь, и мы жили 10 лет, а потом отец получил назначение в Мурманск. Но в конце концов осели в Питере. С тех пор я стараюсь по возможности летом отдохнуть именно на Каспии. Редко, правда, удается. Работа не позволяет.

У него была удивительная улыбка, такая добрая – она освещала лицо, делая его по-детски непосредственным и милым. Было ощущение, что мы хорошо знаем друг друга или когда-то были знакомы. Беседа текла сама собой. Я рассказывала о себе почти все, даже о своих неудачных замужествах. Он внимательно слушал, не перебивая. Часы на кухне показывали 3 ночи, когда он, спохватившись, собрался уходить.

– Спасибо за угощение и за тёплую атмосферу вашего дома. Она мне напомнила о моем детстве.

– Не за что, спасибо вам за вашу вовремя оказанную помощь, а то бы я, наверное, до сих пор там плавала. А вы, когда уезжаете?

– Через 3 часа у меня самолет, – он посмотрел на часы. – Заскочу в гостиницу, за вещами – и в аэропорт.

Что-то словно оборвалось внутри меня, мой голос дрогнул:

– Ну что ж, Веня, вам счастливого пути и мягкой посадки.

– Спасибо, – он неловко пожал протянутую на прощание руку. – Я оставлю вам свою визитку, вы же бываете в Питере. Позвоните – и я вас встречу, покажу город... пожалуйста... – он умоляюще посмотрел мне в глаза.

– Да, конечно... спасибо.

Прощавшись, Рассказов ушёл, и только тонкий аромат мужского одеколona какое-то время напоминал о нём. Непонятные чувства охватили меня, я вернулась на кухню, постояла у окна. Светало, ранние пташки уже пробовали петь в кронах деревьев. На моей улице стояло раннее утро, всё дышало покоем и умиротворением. И только в душе моей бушевали эмоции. Понравился ли мне Веня? Да, очень. Он был какой-то свой, домашний. Хотелось взять под руку и прижаться к нему. А может, во мне говорил благодарный голос спасенного? Этакая признательность, идеализация спасителя. Да нет, Веня был простой и очень хороший человек, я это почувствовала. Не знаю, сведет ли меня судьба с ним еще раз, ведь о себе он ничего не рассказывал. Может, он женат, имеет семью. Но всё равно, спасибо судьбе за такую необыкновенную встречу. А ведь всё начиналось с безобидного ужина в ресторане. Да уж, худа без добра не бывает.

Счастье там, где тебе хорошо

Интересно, с каких пор люди помнят себя: с рождения или с года жизни? Как вообще формируется сознание, вернее, самосознание? Я помню себя уже мальчишкой, бегущим по берегу моря. Отец мой был военным и служил в южном городе у моря. Городом этим был Баку. Эти детские воспоминания порой так захлестывают меня, что хочется вернуться туда, где я родился и где жил 10 лет. Наверное, потому что эти воспоминания и есть самые первые – они так дороги мне. У нас был двухэтажный дом в поселке недалеко от Баку, там же стоял гарнизон – это был военный городок. В доме кроме нашей семьи жила ещё семья замполита Буркова. Однажды дочка замполита, рыжая Галька, заводила и сорванец, играя во дворе с мальчишками старше меня в футбол, заехала мячом прямо в глаз дворничихе тётке Зейнаб. Та была подслеповатой, и они всё свалили на меня. Я же стоял молча в сторонке и ел из кулечка помытую мамой клубнику. Замполит, тётка Зейнаб кричали и размахивали руками перед моим носом, а я и не понимал, в чём дело, стоял, спрятав кулек с ягодами за спину, и хлопал глазами.

По выходным отец сажал меня на плечи, и мы шли на море. Почему в Баку все говорят так: мы идём на море, не на пляж, а именно на море? Сначала под ногами асфальт сменялся на жёлтый сыпучий песок, потом песок становился темнее, и вот он уже утрамбованный, тёмно-коричневый, с вкраплениями перламутровых ракушек морской песок. А это означало, что уже через 5-10 метров начиналось море! Теплое и ласковое. Так, на отцовских плечах, я и входил в море. Мы долго купались. На берегу я строил замки из мокрого песка, а папа называл моё строение гарнизоном.

– Эх, Венька, замки из песка – девчоночьи забавы. А ты мужик, интересы твои должны быть как у настоящего мужчины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.